

— Странный взрослый, это Корпорация Кайзер тебя прислала? — Хошино сбросила с себя расслабленный вид, сжимая в руке оружие и готовясь в любую секунду выставить его перед собой.

— Вы... вот так... хсс... обращаетесь с людьми? Больно же! — эти слова Мэн Циншэн буквально выдавил сквозь зубы.

— Говори быстрее, кто ты такой. Следующий выстрел будет уже не по ногам, — Сироко целилась в него, и в её голосе, казалось, сквозила лёгкая нотка сожаления.

— Я... я человек, который заблудился в пустыне. У меня нет злых намерений. Когда началась песчаная буря, я изо всех сил пытался поползти до бетонной площадки, а потом мне на голову упал камень, и я потерял сознание, — Мэн Циншэн не знал, как ему удалось, преодолевая боль, произнести всё это так связно, но после он снова начал тяжело дышать, хватая ртом воздух.

— Значит, ты не мумия? — Аяне с лёгким смущением бросила взгляд на Сироко. Хошино заговорила: — Мы не доверяем тебе, странный взрослый. Кто знает, какие коварные планы ты вынашиваешь.

— Тогда, может, сначала... остановите кровь? Мне кажется, я сейчас... К тому же я ранен, — Мэн Циншэн прижал ладонь к ране, его лицо побелело от боли.

— Разве ты не можешь сам перевязаться своим бинтом? — спросила Серики.

— Этот бинт прилип к плоти, больно ужасно, нельзя отрывать. К тому же, разве вы не можете принести хоть какое-то лекарство? — перед глазами у Мэн Циншэна начало темнеть. В конце концов, для обычного человека пулевое ранение — это мука, от которой дрожишь всем телом и теряешь рассудок.

Потратив некоторое время, они стабилизировали состояние Мэн Циншэна. Хошино, вооружившись пинцетом, извлекла пулю без анестезии, отчего Мэн Циншэн потерял сознание, после чего они перевязали рану.

— У-хэ, Сироко, ну почему ты вечно подбираешь кого попало? — со вздохом сказала Хошино. — Если он и правда обычный прохожий, будет неприятно.

— Я просто подумала, что можно будет раздобыть немного денег на погашение долга, — с досадой ответила Сироко.

— Ну ладно, Сироко, мы, конечно, знаем, что ты из добрых побуждений, но ты хоть проверила, жив ли он был на тот момент? — Нономия рассмеялась и почесала затылок.

— Э-э, я тогда подумала, что он просто мумия, которую песчаная буря вынесла из-под песка, и

не стала особо задумываться, — смущённо призналась Сироко.

Спустя час Мэн Циншэн очнулся. Похоже, ему предстояло какое-то время побыть хромой уткой.

— Послушайте, у вас что, такая сильная паранойя? — после этой короткой встречи розовые очки, через которые он смотрел на Кивотос, в значительной степени разбились. Тот выстрел заставил его мгновенно осознать: это не добрая сказка из игры, а настоящая борьба за право на жизнь.

Без нимба, без Шанте, без какой-либо принадлежности, он ощущал себя словно огонёк светлячка в кромешной тьме — слабый, готовый погаснуть от любого прикосновения.

Однако у него было преимущество: он знал наперечёт всё, что происходило в Кивотосе. Но сейчас он не мог понять, идёт ли речь о первом прохождении или втором.

— Тебе лучше объяснить, кто ты такой, иначе, даже несмотря на ранение, мы не станем проявлять снисходительность, — безразлично произнесла Сироко.

Да уж, сейчас самое главное — заставить их поверить себе, чтобы хотя бы не оказаться в смертельной опасности и выжить. И оставался ещё один важный вопрос: появится ли здесь учитель из Шанте?

Мэн Циншэн попытался договориться с членами Комитета по противодействию: — Давайте так: я расскажу вам о себе, но только когда рана на ноге заживёт, договорились? У меня нет оружия, можете не переживать.

Казалось, он был в отчаянии. Мэн Циншэн попытался поднять руки, но очередная волна боли из раны на ноге заставила его снова их опустить.

— Девочки, думаю, подождать пару дней не поздно. Нам не обязательно ждать, пока он полностью выздоровеет. Если он выкинет что-то странное, мы сразу примем меры, — тихо сказала им Аяне.

— Да бросьте, такой странный взрослый, во всём кажется подозрительным. Если оставим его, кто знает, в какую ловушку мы попадём, — громко заявила Серика, как будто специально стараясь, чтобы Мэн Циншэн это услышал.

— Мне кажется, оставить его можно. Оружия у него всё равно нет, а когда он был без сознания, я осмотрела его — на теле полно следов от ожогов, возможно, он просто пострадавший от бедствия беженец, — ответила Нономия.

Сироко молчала, о чём-то размышляя, а Хошино, казалось, вернулась к своему обычному

ленивому состоянию, только в глазах блеснула нехарактерная для неё пронизательность.

В итоге Мэн Циншэн оказался заперт в пустующем классе. Решили подождать пару дней — если не заговорит, просто выкинут его из Абидоса.

— Неужели никто мне не поможет? — в душе Мэн Циншэна всё ещё теплились ожидания по отношению к этим ученицам. Он понимал их беды; как учитель, он не должен был винить этих девочек, раздавленных тяжёлым бременем долгов. Однако ответом ему был лишь шум ветра, поднимающего песок, — тихий и горестный.

Мэн Циншэн криво усмехнулся и, спотыкаясь на каждом шагу, проковылял в заброшенный класс, наблюдая, как они запирают дверь.

— О чём вы вообще думаете! Нам и так трудно отдавать долги, а тут ещё добавились расходы на еду для взрослого. Это же удар по больному! Если так пойдёт, когда мы вообще выплатим девятьсот миллионов? — Серика не удержалась от жалоб, но в её словах не было недовольства подругами — лишь неприязнь к Мэн Циншэну.

Слушая ворчание Серики, Мэн Циншэн почувствовал, как давление нарастает, а сознание начинает мутиться. Неизвестно, от боли или от чего-то другого, он просто уронил голову на стол и заснул.

Когда солнце поднялось, озарив эту пустынную землю, каждая занялась своим делом: Хошино спала, Серика готовилась к работе, а Сироко снова собиралась кататься на велосипеде — она была уверена, что сможет найти ещё что-нибудь ценное. Вчерашний день немного расстроил её: ожидания не оправдались, и вместо ценного артефакта она притащила непонятного взрослого.

Единственным утешением было то, что во время завтрака они не забыли о том, что в классе кто-то есть.

Сироко открыла дверь и принесла миску лапши. Жажда еды заставила Мэн Циншэна открыть глаза. Он потянулся рукой к миске, но кончики его пальцев случайно коснулись руки Сироко. Та отпрянула, словно от удара током, и на её лице без всякого притворства отразилось отвращение.

Миска упала и разбилась, разлитый бульон отразил этот момент, позволив Мэн Циншэну чётко увидеть себя и своё призрачное будущее.

Сироко быстро вышла и заперла дверь, оставив Мэн Циншэна смотреть на разбитую миску. В этот миг он, кажется, понял одно: он больше не учитель. Он больше не тот, кто вершил чудеса. Он всего лишь обычный человек, пылинка, неспособная даже спасти самого себя.

— Ещё ведь можно есть... — слёзы покатались из глаз Мэн Циншэна, смешиваясь с бульоном. Он поскреб ложкой то, что ещё можно было собрать, и посмотрел в окно, размышляя о том, что ему делать дальше.

Он умрёт?

<http://bllate.org/book/22388/2348949>